

Во второй половине банкета Ло Цинъян явно был рассеян. Возможно, слова Ло Шулана лишили его покоя. Наследный принц Ло Тяньчэн, который постоянно следил за поведением Ло Цинъяна, естественно, заметил его странное состояние. Подумав, что тому просто не нравится задерживаться на подобных пиршествах, он сразу же подозвал своего доверенного слугу, что-то тихо прошептал ему на ухо. Тот, поняв, кивнул, получил приказ и уже собирался удалиться, но Ло Тяньчэн снова окликнул его:

— Если наследный князь не захочет, чтобы ты следовал за ним, сегодня не следуй.

Доверенный слуга опешил, ведь такого приказа раньше никогда не существовало, но он всё же принял приказ и удалился.

Ло Цинъян покинул пир на полпути, не приказав никому известить Хо Ци. Хотя в полдень они с Хо Ци договорились, что если после банкета не будет дел, тот будет ждать, чтобы обработать ему раны. Но после случая с Ло Шуланом сердце Ло Цинъяна сейчас было в смятении.

Теперь он сидел один в карете, уставившись на инкрустированную драгоценными камнями разноцветную ручную грелку. Смотря на неё, он вдруг покраснел, и уши его загорелись. Оказалось, он вспомнил все свои дневные перипетии с Хо Ци. Такая мысль заставила его почувствовать, что маленькая грелка в руках словно раскалённая картофелина, и он поспешно отбросил её в сторону. Слова Ло Шулана действительно внесли смятение в его душу, словно в давно успокоившуюся гладь озера вдруг бросили камень. В конце концов, обе догадки — что он сам любит Хо Ци или что объект любви Хо Ци — это он сам — были слишком ошеломляющими. Из-за того, что с детства он пользовался благосклонностью Ло Тяньчэна, праздные люди в столице строили всевозможные предположения об их отношениях, многие наглые речи были просто неприличны для слуха. Поскольку между ними всё было чисто, он не обращал внимания на эти сплетни, но в глубине души всё же испытывал некоторое отвращение. Однако на этот раз, если говорить откровенно, в душе он не испытывал особого неприятия. Уже одно это отсутствие неприятия было весьма странным.

Он обхватил голову руками, уткнулся в колени и лежал так некоторое время, но в сердце всё равно беспокоился о том, что Хо Ци должен обработать ему раны. Приподняв занавеску, он приказал кучеру остановиться у городских ворот и ждать генерала Хо.

Рассуждения Ло Шулана сделали его в этот момент крайне странным. Стоило только подумать о скорой встрече с Хо Ци, как в душе необъяснимо возникало напряжение, и ему хотелось лишь избежать этого, поскорее вернуться в княжескую резиденцию и спрятаться от Хо Ци. Но он также боялся, что если нарушит договорённость, Хо Ци будет по-глупому ждать его у ворот дворца. Метания туда-сюда, гамма чувств — всё это понимал только он сам.

Ладно, — неожиданно поднял голову от колен Ло Цинъян, снова поднял маленькую грелку и сжал её в руке. — Ло Шулан с детства любил дразнить меня, а я каждый раз попадался на его уловки. То, что он сказал сейчас, наверняка связано с тем, что он знает о моём особом отношении к генералу, и он хочет сплетничать обо мне и генерале, чтобы потом с удобством наблюдать, как я сижу как на иголках. К тому же, это всего лишь личное мнение Ло Шулана, с какой стати я должен принимать это за чистую монету?

Его отношение к Хо Ци действительно было особенным, но всё это из-за восхищения в сердце. Да, всего лишь восхищение. Нежные белые пальцы Ло Цинъяна непрерывно потирали две ручки маленькой грелки. С такой мыслью его сердце внезапно прояснилось, словно он действительно нашёл ключевой момент, и прежние сомнения немного рассеялись.

Вообще, сегодня было немало вещей, которые его огорчили: сначала странное холодное отношение Хо Ци в полдень, потом ссора с Ло Тяньчэном. Радостные события тоже были — например, он неожиданно обнаружил, что соглядатай брата Тяньчэна, который обычно всегда следовал за ним, исчез без следа. Но все эти эмоции уступили место напряжению перед встречей с Хо Ци.

Это было очень странно — такого напряжения раньше не было. Человек, с которым всегда можно было общаться спокойно, но как только в их изначально безмятежные отношения кто-то добавил каплю двусмысленности, при следующей встрече кое-что неизбежно изменится.

Именно из-за этих изменений Ло Цинъян испытывал беспричинное напряжение.

Пока его сердце было в смятении, снаружи раздался стук копыт. Звук цок-цок в конце концов замер рядом с каретой, и тут же послышался голос кучера:

— Наследный князь, генерал Хо просит аудиенции.

— М-м... — Услышав имя Хо Ци, Ло Цинъян невольно выпрямил спину, длинные пальцы сжались в кулаки.

Он делал маленькие вдохи, чтобы облегчить своё напряжение. Даже в таком состоянии в глубине души всё же оставалось ожидание, словно только увидев Хо Ци сейчас, его сердце сможет успокоиться. Это было очень противоречиво.

Увидев, что Ло Цинъян покинул пиршество раньше времени, Хо Ци, обменявшись несколькими словами с рядом сидящими собутыльниками, тоже сослался на опьянение и ушёл. У выхода из дворца слуга из дома Хо уже ждал его с высокой вороной лошадью. Он спросил слугу, куда направился Ло Цинъян, и, получив ответ, вскочил на коня и помчался вслед, полагая, что тот забыл о договорённости на послеобеденное время. Примчавшись на всех парах к городским воротам, он обнаружил там остановившуюся княжескую карету.

Хо Ци натянул поводья, и скорость его скакуна замедлилась. В этот момент, возможно, из-за прохладного ночного ветра, тяжёлое ощущение в груди, вызванное удушливым густым благовонием во Дворце Императорских Врат, развеялось без следа. Неприятности, намеренно вызванные Ло Тяньшэнем, тоже, казалось, поутихли. Что Гу Хуайин, что Ло Тяньшэнь или Ло Тяньчэн — все они в этот момент рассеялись в его сознании. В успокоившемся сердце оставалось воспоминание лишь о капризном и благородном молодом наследном князе из дома князя Аньхэ.

Он позволил слуге подвести лошадь шагом к карете, спрыгнул с седла и снова вспомнил о красных отметинах, появившихся на руке юноши из-за его полуденной резкости. В сердце шевельнулись и сожаление, и боль, но в самой сокровенной глубине души также тайно возникло чувство удовлетворения. Оставить след, принадлежащий ему, на такой нефритово-белой коже — всё равно что поставить свою метку на благородном молодом наследном князе. И это облегчило чувство, которое он долгое время сознательно подавлял в душе.

Он знал, что у этого бурлящего, укоренившегося и пустившего ростки в глубине его сердца, сознательно игнорируемого им чувства есть имя — ревность.

Да, возможно, даже он сам не осознавал, что ревновал к Ло Тяньчэну. Когда он впервые увидел Ло Цинъяна во Дворце Императорских Врат, это чувство укоренилось. Юноша, который с первого взгляда показался ему таким подходящим, даже от которого он не мог оторвать глаз, оказался человеком Ло Тяньчэна. Каждый раз, вспоминая лицо юноши, он невольно давал себе

наставления. Но когда за искусственной горой он увидел, насколько близки и неразлучны были эти двое, прежде глубоко скрытая ревность почти захлестнула его с головой.

Думая об этом, Хо Ци, сам того не замечая, сжал в кулак руку, гладившую лошадь по спине. Конь, чью шерсть дёрнули в руке Хо Ци, взвился от боли. Этот ржающий крик и вывел его из задумчивости.

А Ло Цинъян в карете уже приподнял занавеску и прямо смотрел на Хо Ци. Хо Ци встретился с ним взглядом, и юноша снова намеренно отвел глаза. Видя, что тот всё не поднимается, он сжал губы, его красивая рука снова приоткрыла занавеску наполовину, и он тихо спросил:

— На улице ветрено, разве генерал не войдёт?

Ло Цинъян, видя, что Хо Ци стоит у кареты неподвижно, подумал, что тот сердится из-за того, что он самовольно покинул дворец, не известив его. В сердце шевельнулось чувство вины, и он не мог удержаться, чтобы не посмотреть на Хо Ци своими персиковыми глазами, полными извинений, надеясь, что тот увидит раскаяние, написанное у него на лице. Мельком взглянув на пиру, он не рассмотрел, во что был одет Хо Ци. Теперь же, приглядевшись, он заметил, что сегодня ночью на Хо Ци было тёмно-синее длинное платье, с поясом того же цвета, вышитым золотыми нитями в виде паутины, на голове — золотая корона с инкрустацией из нефрита, стягивающая чёрные волосы. Его мечевидные брови косо взлетали к вискам, ясные глаза были глубоки, тонкие губы плотно сжаты. Будучи военачальником, в таком наряде он приобрёл некоторый элегантный шарм.

Ло Цинъян смотрел-смотрел и снова смущённо опустил голову. Всё его тело ослабло, и он едва мог удерживать занавеску в руках.

* * *

[Цинъян с недоумением в глазах]

Это и называется симпатией?

[Хо Ци с серьёзным лицом]

Нет, это не симпатия.

[Цинъян в изумлении]

А? Тогда, тогда что же это?

[Хо Ци, обнимая свою супругу]

Это называется любовью. Я люблю тебя, Цинъян.

[Автор, изрыгая кровь]

Чёрт, вот это подачка!